

Вадим Малкин

РОССИЯ НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ

ОТ МАРКЕТИНГА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» К РАЗРАБОТКЕ «ОТТЕПЕЛИ»

Удачное название – залог успеха книги. Только что вышедшая из печати в Соединенных Штатах и Великобритании книга Эдварда Лукаса, редактора журнала *The Economist*, проработавшего пять лет руководителем московского бюро этого издания, называется «Новая холодная война: каким образом Кремль представляет опасность и для России, и для Запада». Еще шесть-семь лет назад обложку с подобным сочетанием слов можно было увидеть лишь у букинистов. Сейчас язык этого заголовка (что неудивительно для издательства Bloomsbury, удовлетворяющего неугасающий спрос публики миллионными тиражами Гарри Поттера) точнейшим образом попадает в резонанс с западным коллективным бессознательным, с conventional wisdom элит – общепринятым мнением о том, что происходит в отношениях Запада и России.

В конце фразы «новая холодная война» уже не стоит вопросительного знака. То, что Кремль представляет опасность для Запада, выносится за скобки обсуждаемого как само собой разумеющееся. Книга посвящена лишь тому, «каким образом», и тому, что и Россия (без Кремля), и Запад – одинаково уязвимы перед лицом очевидного зла. Хвалебные отзывы на книгу Лукаса соседствуют на страницах британских изданий с репортажами о возрождении в России практики карательной психиатрии, отключении газа соседним странам в ответ на их попытки политического сближения с Евросоюзом, превращении президентских выборов в фарс после снятия с регистрации единственного реально оппозиционного кандидата Касьянова. Образ «империи зла» – это реальность, данная им в ощущениях.

Последняя жертва – Королевская академия искусств, музей, принимающий шумевшую выставку «Из России...» – шедевры конца XIX – начала XX века, которые Россия отказывалась выпускать за границу до тех пор, пока британский парламент не внес в законодательство поправки, гарантирующие возврат художественных ценностей и запрет на их судебный арест. Выяснилось, что Королевская академия, не чая спасительных поправок из Вестминстера, предлагала наследникам бывших владельцев картин, вскоре после революции отобранных ленинским Совнаркомом, по 10 000 долларов в обмен на обяза-

тельство не подавать исков до окончания выставки. Вскрывшиеся неудачные попытки «купить молчание» собственников, потакая «бесстыдному вероломству Москвы», расцениваются представителями британских уже артистических (не политических) кругов как «неслыханные». Минздрав предупреждает: сотрудничество с русскими опасно для вашей репутации. Ругать русских – беспроигрышный вариант, к тому же почти всегда есть за что.

Россия, не мудрствуя лукаво, отвечает «симметричным» образом, пытаясь на российском материале воссоздать аналоги внешних проявлений западной враждебности. Центральные телеканалы с интонацией «ТАСС уполномочен заявить» клеймят русофобию американских неоимпериалистов и пережитки колониального сознания британцев. Опросы общественного мнения фиксируют рост антизападных настроений в российских гражданах.

МЕХАНИКА УСПЕХА

Холодная война постепенно превратилась и в мире, и в России из музейной исторической метафоры в актуальный сценарий. Столкнувшись с феноменом восстановления исчезнувшей было в 1990-е субъектности российской власти (традиционно, кстати, в силу просто институциональной логики своего аппарата – грубой, неповоротливой и жестокой), и постсоветская российская элита, и англо-американские не нашли других политических прототипов, кроме запылившихся военных экспонатов второй половины XX века. Институциональная память коварна: «что ни строй – получается КПСС». И внешнеполитические инстинкты словно бы диктуются социально-историческими ДНК, вступая в противоречие с логикой развития мирового хозяйства: политики взаимно высылают дипломатов, а российские эмитенты толкаются в очереди на листинг на Лондонской бирже.

Однако у нынешнего ястребиного бума холодной войны-2 есть и более глубокие причины.

Первая связана с культурно-демографической структурой элит в США, Британии, России, а также ряде других индустриальных стран: доминированием поколения послевоенных «беби-бумеров». В Британии более 80% национального богатства контролируется людьми старше 50, среди активного электората – соотношение беби-бумеров к тем, кто моложе 45, составляет 2:1. В США и России родившиеся в течение 15 лет между 1946 и 1961 годами занимают более двух третей ключевых позиций в высших эшелонах политики и крупного бизнеса. Исследование, проведенное в конце 1980-х годов американскими социологами Ховардом Шуманом и Жаклин Скотт, смогло выявить две культурно-поколенческие когорты «беби-бумеров» по критериям общих воспоминаний, культурных кодов и ценностей. Вторая когорта, в США с годом рождения около 1955-го и позже (для СССР – несколько раньше из-за 1968 года, в Британии – несколько позже), в отличие от романтической первой – это поколение скептиков, даже циников, взрослых на отрицании ро-

мантических идеалов 1960-х. Холодная война для этого поколения не только «общее воспоминание». Это формат миропонимания и ценностей, на которых они выросли и которые они воплощают в политике, оказавшись у руля.

Холодная война была также последним в мировой истории относительно бескровным глобальным противостоянием, базировавшимся на презумпции «цивилизованности» врага. Враг был реален и опасен, как реальные и опасны ядерные боеголовки, но в то же время – «доброкачественным»: с ним можно было подписывать договоры, вести дипломатические игры и даже договариваться об оттепелях. Наличие «доброкачественного» врага позволяло и Штатам, и Советам отстраивать внутреннюю культурную и политическую идентичность «от противного», по системе «свой – чужой». Разрушение Берлинской стены означало слом системы координат: на функциональном месте врага зияла пустота. Голливуд, поначалу политкорректно превратив русских в «хороших парней», к концу 1990-х обнаружил, что сменившие их пришельцы

Враг был реален и опасен, как реальные и опасны ядерные боеголовки, но в то же время – «доброкачественным»: с ним можно было подписывать договоры, вести дипломатические игры и даже договариваться об оттепелях

и арабы не особенно подходят на роли злодеев. Инопланетные цивилизации и исламские экстремисты были образом врага «недоброкачественного», с которым невозможно договориться, которого невозможно просчитать. Аудитория хотела «старых добрых» врагов, по возможности русских. Питер Райнер, председатель Национальной ассоциации кинокритиков, в 1997

году объяснял *The Daily Telegraph*: «...мы соскучились по коммунистам, по их акцентам, по их костюмам, мы соскучились по холодной войне...». В России дело постепенно шло к развороту Примакова над Атлантикой, обстрелу посольства США, успеху «Старых песен о главном» и съемкам «Брата-2».

Попытки легитимизировать фигуру общего *нецивилизованного*, точнее, *вне-цивилизованного* врага («Аль-Каида», «международный терроризм» и т. д.) натолкнулись как раз на сопротивление мыслительных и политических схем холодной войны, носителями которых выступают представители нынешней элиты. С Бен Ладеном не подпишешь договоров об СНВ, не договоришься о разрядке. Террористический риск недоброкачественен по своей природе – в отличие от доброкачественного риска образца холодной войны.

Сценарный каркас холодной войны вне зависимости от политической воли лидеров будет оставаться в основании правил игры глобальной политики как минимум ближайшие 10–15 лет (период поколенческого доминирования послевоенных беби-бумеров и культурно-политического кода «свой – чужой»). Вместе с тем объективные процессы глобализации (интенсификация миграции капитала и людей, интернационализация экологических, технологических и структурно-экономических угроз) закладывают принципиально иной фундамент международных отношений. Война, вне зависимости от своей температуры, повышает уровень рисков, а соответственно увеличивает

размер рискованной премии. Это приводит к подорожанию соли, нефти и спичек, но ресурсы для развития становятся дороже. Когда глава российского Минфина Кудрин обратил внимание на необходимость приведения российской внешней политики в соответствие с инвестиционными потребностями страны и призвал перестать распугивать инвесторов, это послание «доброй воли» обошло информационное поле мировых деловых СМИ.

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА

В культурной парадигме холодной войны фактически единственным легитимным форматом, примиряющим логику ее сценария с общим трендом социально-экономических преобразований, становится формат «перемирия» или *оттепели*. Этот формат позволяет продолжать пользоваться преимуществами военных мобилизационных механизмов, но при этом играть на снижении рисков: война остается войной, и «доброкачественный» враг «не дремлет», но «прекращение огня» позволяет решать назревшие интеграционные вопросы.

Прецеденты «оттепелей» в истории российско-западных отношений имеют долгую историю. В их ходе практически каждый раз воспроизводится примерно один и тот же сюжет. Некоторое персональное обновление в руководстве стран дает возможность вывести диалог на новый уровень с использованием элементов нового политического языка («сдерживание», «мирное сосуществование», «общечеловеческие ценности» и т. д.) и новой парадигматики. Такой диалог приводит к некоторым договоренностям и взаимным дружественным жестам. Это, в свою очередь, порождает контуры взаимных ожиданий, которые обычно не только не оправдываются, но и создают основу для новых конфликтов. В течение последней четверти века чрезвычайно схожие циклы «любви-ненависти» сопровождали периоды Горбачева – Буша-старшего, Ельцина – Клинтона, Путина – Буша-младшего. Каждый раз оказывается, что «западные партнеры» смогли политически и стратегически воспользоваться результатами сближения в своих интересах, а Москва неизменно считает себя жертвой обмана или предательства.

В основе этого сюжета лежит тотальное непонимание российским политическим классом политической и коммуникативной природы западных контрагентов. Базовая причина состоит в подчас подсознательной экстраполяции русского концепта власти на модели деятельности и поведения западных лидеров. В российском сознании «правители» Запада – это (добродетельные ли или злокозненные – оценка варьируется в зависимости от политической ориентации) субъекты, формирующие политику и контролирующиеся базовые институты/инструменты власти соответствующих стран, безусловные суверены и стороны любого международного торга. Согласно этой логике, ведя дела с ними, можно «вершить историю», договариваться о будущем, строить планы. В этой схеме игнорируются западное разделение политического руководства (регулярно сменяемого) и бюрократического ап-

парата (стабильного и иерархичного), эшелонированная лоббистская инфраструктура, институты влияния и традиции согласования интересов внутри элит. Причем игнорируется как совершенно незначимая погрешность — примерно так же как фактор миноритарных акционеров отмечается российским бизнесом. «Северсталь», которая договаривалась с менеджментом «Арселор», воспринимала их как суверенную сторону, отвечающую за контролируемый «феод» ровно в той же степени, как президенты США «контролируют» США, а британские премьеры отвечают за все, что творится на острове.

Русское понимание «дружбы» между лидерами диктовало труднообъяснимые на Западе поступки московских правителей типа заявлений о якобы имевшейся у русских информации о разработках ОМП режимом Хусейна в Ираке на момент вторжения. В ответ на эти шаги от западных «партнеров» всегда ждали «взаимности», но «коварный» Запад почти никогда не платил по счетам и обычно находил причины для пересмотра договоренностей. Точно так же русское оппозиционное подполье воспринимало как предательство, когда, после заверений о всецелой поддержке Западом его борьбы, наблюдало дружеские лобызания лидеров свободного мира с очередным мракобесным кремлевским деспотом на какой-нибудь «встрече без галстуков».

АНТИОТТЕПЕЛЬ В РАЗРЕЗЕ

По сути же, сама архитектура принятия решений в западной, в особенности англосаксонской, политической культуре принципиально иная. В отличие от российской вертикали, где «понятийная» договоренность между высшими инстанциями спускается на исполнителей по этажам и крыльям власти, где форма согласования интересов вторична по отношению к содержательной правоте, в западных, «лоббистских», системах (назовем их так) — господствует горизонталь и процедура. Не помощник премьер-министра доводит до партбоссов, главных редакторов «своих» изданий и публичных лидеров «политику партии» на закрытых совещаниях, а зачастую разнонаправленное давление из равноправных, не связанных между собой центров влияния создает то поле возможного, в котором может действовать лидер. Когда общий вектор этих влияний определяет консенсусный стереотип, этот стереотип становится политической реальностью, диктующей действия власти, каковы бы ни были договоренности или доверительные отношения первого лица с иностранными лидерами.

Принципиально отличается также механизм подготовки решений. В России обычно недооценивают значимость западной практики разделения бюрократии и политического руководства, считая это формальностью. На самом деле этот институт принципиально меняет механику работы органов власти. Когда политический руководитель (например, министр) не имеет права заменить бюрократа (своего зама по текущим вопросам и расходованию бюджетных средств), это формирует такой тип отношений, когда вовсе не исполнитель всеми правдами и неправдами обеспечивает спущенное сверху полити-

ческое решение, а само это решение принимается исходя из веера подготовленных исполнителем вариантов.

Механизм и институт экспертизы построены таким образом, что политик получает крайне узкое пространство для маневра. С одной стороны, крупнейшие экспертные структуры в первую очередь обеспокоены воспроизводством своего credibility (доверия к ним как к источнику) и защищены от какого-либо влияния политического руководства довольно сложной системой финансовой и репутационной защиты. С другой стороны, политическое решение не может не опираться на результаты экспертной оценки.

Западный эксперт, а вслед за ним и бюрократ будут продолжать рассматривать Россию в качестве источника внешних рисков просто потому, что такова система знаний и методология оценки этих рисков. Это не будет иметь никакой связи с дружескими отношениями между лидерами стран и декларациями о стратегическом партнерстве. Личное доверие не сможет переломить процедуру экспертизы подготовки решений: **курс Запада всегда**

Личное доверие не сможет переломить процедуру экспертизы подготовки решений: курс Запада всегда будет направлен на минимизацию эффекта любых неконтролируемых угроз извне

будет направлен на минимизацию эффекта любых неконтролируемых угроз извне. Лоббистские группы и оппозиция, опираясь на структуру ценностей и миропонимания беби-бумерского электорально-селекторального ядра, станут разыгрывать схему «свой – чужой» для актуализации национального, «сво-

его». Они будут для своих внутривнутриполитических целей «назначать» Россию показательным ненормальным, чтобы актуализировать собственную национальную нормальность: «Что такое демократия? Это то, что есть у нас и чего нет у русских». Какой формат «дружбы» с Россией остается лидеру, даже если он заглянул в глаза российскому вождю и увидел там душу?

Англосаксонский стиль внешней политики – исторически – проекция собственной горизонтальной лоббистской системы на реалии другой страны. Руководство этой страны – не сторона, с которой достаточно лишь договориться, а всего лишь один из элементов системы, звено в цепи возможного манипулирования ситуацией.

РУССКИЙ ОТВЕТ: НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ

Это, разумеется, не означает, что формат «оттепели» заведомо проигрышен для России. Напротив, но для этого необходимо четкое понимание стратегических приоритетов и тактических задач, а также создание механизмов адекватного влияния на внутренние ситуации внешнеполитических контрагентов. Пресловутые «договоренности» должны ложиться на заранее подготовленную канву лоббист-

ских заготовок, направлять лидеров к правильному выбору из предсказуемо подготовленных вариантов решений.

Пока вместо этого мы наблюдаем деятельность, которая получила название «улучшение имиджа России за границей». Со стороны данная активность выглядит несколько похожей на поведение фонвизинского Скотинина. Представим группу людей, обсуждающих между собой какую-либо общую, интересную им всем тему из области искусства, политики, экономики. Посредине беседы к ним подходит еще один человек: «Простите, вы не обо мне только что случайно разговаривали? Нет? В любом случае я хотел бы прямо сейчас развенчать несколько стереотипов о себе, поскольку сам факт того, что вы обо мне так говорите, свидетельствует о том, что вы поверхностные люди с двойными стандартами и ничего обо мне не понимаете». Анекдотичность ситуации в том, что такая метафора практически не содержит преувеличений: именно так строится коммуникационная политика России в странах Запада.

Личное доверие не сможет переломить процедуру экспертизы подготовки решений: курс Запада всегда будет направлен на минимизацию эффекта любых неконтролируемых угроз извне

Какая доля мировой телеаудитории была бы у ВВС, если бы выпуск всемирной службы новостей этого канала открывался сюжетом не о последних известиях с американских праймериз, а об итогах совещания в британском правительстве по поводу газификации уэльского села? Американскую и британскую аудиторию балуют именно такими информационными де-

ликатесами телеканал Russia Today и вкладка, выходящая на правах рекламы в The Daily Telegraph и The Washington Post, с непроизносимой аббревиатурой RBTH – «Россия по ту сторону заголовков».

Способность русских говорить исключительно о России, абсолютно не задаваясь вопросом, интересно это кому-нибудь или нет и кто из аудитории способен выдержать прессинг византийски хитросплетенных, незнакомых и малопонятных деталей, стала предметом анекдотов. Открытые письма русских по поводу малопонятных аудитории внутрироссийских проблем полосного формата «на правах рекламы» стали привычной практикой, в особенности в Великобритании. В принципе, короткие письма редактору в этих изданиях публикуются бесплатно – главное, чтобы тема и содержание интересовали аудиторию. Но для россиян важен гарантированный выход и факт полного изложения позиции на страницах печати, а не факт интереса к ней или ее понимания.

Главный системный дефект российской международной коммуникативной политики – ее проводники, реанимируя инструменты холодной войны, не учитывают уроков этой войны, повторяя очевидные ошибки и провалы Союза. Иновещание пыталось донести на Запад «правду про жизнь в СССР» шершавым языком рекламы «Аэрофлота» (бессмысленной в условиях жестко конкурентной среды авиаперевозок); «Голос Америки» говорил о проблемах очередей, коррупции, некачественной медицины в Союзе, провоцируя

брожение умов на диссидентских кухнях и лишь косвенно рекламируя Америку как джинсы из-под полы (которые в виду дефицита в рекламе не нуждались). Сама по себе классическая задача иновещания «уравновесить позитивом предвзятый негатив» предопределяет бессмысленность ее выполнения, демонстрирует полнейшее непонимание того, как устроены системы организации влияния и медийные машины на Западе.

В результате оценки действий России оказываются двоякими. *Органично негативные* (даже абсолютно не интересующийся внешней политикой и Россией в частности человек скажет, что закрывать культурные центры и отключать газ в отместку за нелояльность – плохо) и *оправдательно-самохвальные* рапорты о позиции Москвы и ее малоинтересных даже специалистам достижениях, выходящие преимущественно на правах рекламы. Нарочито рекламный характер позитива становится своеобразным косвенным доказательством обоснованности негатива.

Россия в формате малоинтересных официальных («из первых уст/рук») деклараций оправдывается и «доводит позицию», достигая среди аудитории эффекта, противоположного своим целям. Речь не идет ни о попытках выстроить систему отношений с индустрией экспертизы (за исключением разве что ежегодных встреч бывших советологов с руководством России в рамках клуба «Валдай»), ни о том, чтобы встроиться во внутривнутриполитические повестки западных стран или организовать взаимодействие с сетями политического влияния. «Донесение позиции» самоценно, оно не предполагает ответа на вопросы, до каких аудиторий и зачем, что мы хотим, чтобы эти аудитории стали делать, получив информацию об этой «позиции».

«ОТТЕПЕЛЬ» ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Постиндустриальная реальность и глобализационные процессы не оставляют изоляционизму особых шансов. Холодная война 2 – не более чем игра в «ту самую холодную войну». Проблема заключается в том, что у России есть все шансы «заиграться», потерять приоритеты, обидевшись на «вероломный Запад», упустить возможности закрепления в наиболее выгодных нишах мирового хозяйства в течение ближайших 10–15 лет. Постсоветская традиция «жесткого оппонирования» с постепенной сдачей позиций (вопросы расширения НАТО, Югославии, ПРО и т. д.) ввиду фактического отсутствия механизмов влияния на ситуацию – очевидно не самая эффективная стратегия, поскольку она ведет к разбазариванию последних остатков внешнеполитического капитала.

Проектирование стратегически продуманной «оттепели», обеспеченной адекватным задачам и современным коммуникативным инструментарием, техниками манипулирования, а не давления – пожалуй, главный вызов.